

ОБЩНОСТЬ ВЗГЛЯДОВ НА ЧЕЛОВЕКА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

*Гребень Н.Ф.
(Минск, Беларусь)*

В кон. XX ст. начала зарождаться такая отрасль знаний как православная или как ее еще принято называть святоотеческая психология. В силу того, что становление данной отрасли наблюдалось преимущественно в рамках православной конфессии, многие работы посвящены критике академической психологии. А целесообразность существования православной психологии как бы исходит из недостатков светской психологии и преимуществ святоотеческой.

Отправной точкой критики академической психологии во многом стала цитата из «Британской энциклопедии»: «Бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения» [цит. по 7, с. 5]. Опираясь к данному высказыванию, многие приверженцы зарождающейся отрасли обвиняли академическую психологию в том, что она «утратила душу» как изначальный предмет своего исследования, пытаясь заменить его на психику, либо другие варианты. Однако насколько обоснованы такого рода обвинения, и корректно ли проинтерпретирована данная цитата. Дело в том, что в процессе своего развития психологическая наука прошла определенный путь в плане обозначения и понимания своего предмета исследования. И надо сказать, что эти поиски не были напрасными. Стремление к глубокому пониманию предмета не было бесплодным, а, наоборот, обогатило науку, а также позволило утвердиться психику как самостоятельный уникальный предмет психологической науки.

Но это не единственное критическое замечание православной психологии по отношению к академической. Последнюю также обвиняют и в неверном понимании природы человека, в атеистической

направленности, в утере нравственных ориентиров, в снижении ответственности личности за свое поведение, в склонности прибегать к манипулятивным методам работы, вместо спасения души, в низкой эффективности практической работы и прочее [1; 2; 3].

Содержание публикаций начало меняться в связи с приходом в православную психологию светских психологов, которые, прежде всего, поднимали такие значимые вопросы для любой научной отрасли, как предмет и объект исследования, методологические основания науки, методы практической работы. И на сегодняшний день весьма актуальной задачей стоит поиск путей интеграции академической и православной психологии.

В данной работе попытаемся показать, что общего во взглядах на природу человека было и есть между светской психологией и христианской антропологией и философией, на основании которых и формируется православная психология.

Следует начать с того, что полем деятельности психолога и священника является предметно одна и та же реальность, как бы мы ее не обозначали «душа» или «психика». Если быть точнее, то речь должна идти скорее о переживаниях человека, которые будут по-разному восприниматься и интерпретироваться в зависимости от профессиональной позиции, а в психологии еще и от теоретического подхода. Для священника в переживаниях важно найти греховную составляющую, а для психолога скорее внутриличностный или межличностный конфликт. Но заметим, что осознание греховности – это также и нахождение внутреннего противоречия, лишаящего человека целостности, о чем неоднократно упоминают православные психологи. В тоже время проблема целостности человека не чужда психологической науке. У многих светских психологов она выступает как важное условия человеческого здоровья.

Рассматривая вопрос природы человека, отметим, что в психологической науке первоначально фигурировала двумерная модель

«психика и тело», которая затем была заменена на биопсихосоциальную модель. В христианской традиции человек трехсоставен и состоит из духа души и тела. Оба подхода признают существование души и тела, но различия заключаются в том, что светская психология придает важное значение внешним социальным факторам определяющие сущность человека, но при этом она не всегда отделяет дух как самостоятельную часть души и недооценивает его роль в жизни человека. Но если посмотреть на модель личности З. Фрейда [6], то мы обнаружим в структуре личности также три составляющие, равно как и в структуре психики: Оно, Я, Сверх-Я или бессознательное, предсознательное и сознание. Такие подструктуры как Сверх-Я и сознание отвечают за нравственное развитие личности, также, как и дух. Отличия кроются в путях обретения нравственности.

Значимость религиозных учений в жизни человеческого общества задается представленными в них нормами морали. В решении вопроса «здоровья-болезни» не только клиническая, но и социальная психологии учитывают эти нормы. Правда некоторые из норм, определяющие поведение и отношения человека сегодня в академической психологии пересмотрены, за что ее и обвиняют в снижении моральных стандартов.

Профессиональная этика психологов также выстраивается с опорой на христианские заповеди и ценности, где ключевой нормой выступает принцип «не навреди». Но, как и любой другой профессии, очень многое зависит от уровня нравственного развития конкретного человека. Как среди психологов, так и священников есть претенденты нарушения этих норм.

В современной психологической науке сегодня большое внимание уделяется построению моделей здоровой личности или моделей психологического здоровья. Сопоставление критериев психологического здоровья и христианских ценностей показывает, что точек пересечений в разы больше, чем расхождений. Вопрос в том, что используют

ся разные языковые коды, в то время как суть сохраняется. К примеру, А. Адлер [6], в начале своего научного творчества раскрывал сущность человека посредством комплекса неполноценности, что идет в разрез с христианскими воззрениями. Однако в более зрелом возрасте он создает концепцию психического здоровья, ключевым критерием которого является развитое социального чувства или чувство общности. Ощущать себя частью общества, быть причастным к группе, стремление интересоваться другими, заботиться о других – эти стремления заложенные в чувство общности, оказываются созвучными идеи христианской любви к ближнему. Христианские нормы и ценности широко представлены в гуманистической психологии, не чужды и многим концепциям советской психологии. Так, К. Рогджерс [6], интересующийся в свое время религиозными учениями, транслирует многие идеи в своих работах, раскрывающих его взгляд на здоровую личность. А.Н. Леонтьев [4] в развитии личности главным считал формирование смысловой сферы, осознанности и социальной направленности. Н. И. Непомнящая [5] в качестве базовых оснований личности, определяющих ее сущность, рассматривала уровень нравственности.

Таким образом, представления о человеке в академической и христианской психологии следует рассматривать как взаимодополняющие и обогащающие друг друга. Каждая из областей знаний на сегодняшний день обладает богатыми теоретическими и практическими наработками, которые необходимо направить во благо человека и общества.

Литература и источники

1. Авдеев, Д.А. Очерки православной психотерапии: в помощь страждущей душе / Д.А. Авдеев. – 5-е изд., доп. и перераб. – Москва : СофтИздат, 2012. – 460 с.
2. Лайша, Н.А. Новая модель психиатрии в свете христианского учения / Н. А. Лайша // I Международные Свято-Пантелеимонов-

ские образовательные чтения, Минск, 2–3 июня 2005 г. : сб. статей : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sobor.by/lajsha.php>. – Дата доступа: 12.10.2018.

3. Легостаева, М. Что такое православная психология и психотерапия / М. Легостаева // Азбука веры : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/chto-takoe-pravoslavnaya-psixologiya-i-psixoterapiya>. – Дата доступа: 12.10.2018.

4. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – Москва : Политиздат, 1975. – 304 с.

5. Непомнящая, Н.И. Психодиагностика личности: Теория и практика: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. Заведений. – Москва : Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2001. – 192 с.

6. Хьелл, Л. Теории личности: основные положения, исследования и применение: Учеб. пособие / Л. Хелл, Д. Зиглер; пер. с англ. С. Меленевской, Д. Викторовой. – Санкт-Петербург : Москва : Харьков : Минск : Питер Пресс, 1997. – 608с.

7. Ярошевский, М.Г. История психологии. От античности до середины XX века. Учеб. пособие для высш. учеб. завед. / М.Г. Ярошевский. – Москва : Изд. центр «Академия», 1996. – 416 с.

ЖЕНСКИЕ УЧИЛИЩА ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА В БЕЛАРУСИ В 1860–1868 ГОДАХ.

*Восович С.М.
(Брест, Беларусь)*

Появление женских училищ духовного ведомства было вызвано политическими и просветительными задачами. Инициатором обсуждения в правительстве вопроса об открытии женских училищ духовного ведомства в белорусско-литовских епархиях являлся вице-директор департамента духовных дел иностранных исповеданий

П.Н. Батюшков. Он высказался за открытие женских училищ данного типа во всех западных губерниях (исключая Ковенскую) с целью уничтожения «латинской пропаганды», окончательного обращения униатов в православие и укрепления самой Православной церкви в данном регионе. Его инициатива была поддержана, и в течение четырех лет шла разработка штата и устава Могилевского училища. Первоначально планировалось устав Могилевского учебного заведения распространить на все женские училища духовного ведомства в белорусско-литовских губерниях. 26 января 1863 г. Александр II утвердил устав и штат данного женского учебного заведения.

Начало женским училищам духовного ведомства в Беларуси положило Паричское училище, открытое помещицей М.Я. Пущиной в 1860 г. при финансовой поддержке императрицы и ее детей. Данное училище оставалось частным до 1873 г. Частый характер училища обусловил отсутствие устава у данного учебного заведения. Училище находилось под покровительством императрицы. Его благосостояние всецело зависело от жертвователей и находчивости М.Я. Пущиной. Большую помощь в благоустройстве училища оказал Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев. По ходатайству обер-прокурора Святейшего Синода Ахматова он приказал отпустить 6000 рублей из штрафных сумм на устройство училищных помещений. Только с 1867/1868 учебного года училище могло не опасаться за свою дальнейшую судьбу, так как после ухода воспитанниц Минского женского училища оно стало получать ежегодное пособие в размере 3000 рублей из духовно-учебного капитала. Эта сумма, отпускаемая Святейшим Синодом, обеспечила стабильное существование Паричского училища, так как она поступала регулярно и составляла около половины всех поступлений на нужды училища в 1860-х гг.

Программа обучения в первые годы существования училища отличалась элементарным характером, так как М.Я. Пущина при создании училища придерживалась «совершенной простоты». Оказали